

большой столб, на него клали колесо, на колесо сажали мужика, опытного в разных забавах и причитаниях. Вместо лошадей запрягали разукрашенных людей. Такой поезд разъезжал по всем улицам; впереди и вокруг него пели, играли и плясали скоморохи и колоброды, приходившие из деревень забавляться с городскими весельчаками. Прощальный поезд в Ярославле называется «околка», в Нерехте «обоз», в Туле «круг» и «конец». В Нерехте на проводах сжигают Масленицу. Вечером, после всех гуляний и забав, выходит молодой народ, мужчины, женщины, девицы и дети, из своих дворов с соломою. При пении песен сжигается солома.

Прощание бывает с живыми и покойниками. В Туле и Зарайске выходят на кладбища утром и на могилах просят прощения у покойников. С кладбищ заходят прощаться к священникам. В Нерехте сей обряд отправляется вечером.

Новобрачные ездят по своим родным отдаривать тестя с тещею, сватов и дружек за свадебные подарки. Здесь, кроме подарков, приносились и пряники, испещренные узорами и надписями: «Кого люблю, того дарю. — От милого подарок дороже золота. — Чин чина почитай, и подарок не забывай. — Милости просим нашей хлеба-соли. — За все благодати наше низкое челобитьище». Тульские пряники, белевские медовики, вяземские коврижки считались у наших отцов дорогими подарками.

На Прощеный день ездят отдаривать кума с кумой. За «ризки» и «зубок» привозят соответственные подарки равным по состоянию, щедрые бедным. И здесь пряники составляют необходимую принадлежность. В деревнях самый почетный подарок для кума состоит из полотенца, для кумы из бруска мыла.

Прощание между родными и знакомыми происходит вечером. Прощаться приходят родные к старшему в роде, бедные к богатым. В старые годы на прощанье приносили пряники. Прощаясь, говорили по обыкновению друг другу: «Прости меня, пожалуй, буде в чем виноват пред тобою». Прощание заключалось поцелуем и низким поклоном. Прощание между домашними бывало после ужина, перед сном. Здесь дети кланялись в ноги своим родителям и просили прощения. После них приходили все находящиеся в услужении и справляли свое челобитье.

Сбитень

1 литр воды, 1/2 стакана сахара, 150 граммов меда,
2 лавровых листа, корицы, имбиря,
кардамона — по вкусу.

Кипятить 10–15 минут, снимая пену.
Дать настояться около 30 минут,
процедить. Пить горячим.

Б.М. Кустодиев
 ▲ МАСЛЕНИЦА. 1920

Н.П. Богданов-Бельский
 ♣ СБИТЕНЩИК

► Сани для катаний
 на Масленицу. XVII век

Ах ты, Масленка дорогая,
 Дорогая, лели, дорогая.
 К нам в гости приезжала,
 Приезжала, лели, приезжала.
 Да сыр с маслицем привозила,
 Привозила, лели, привозила.
 А мы Масленку прокатали,
 Прокатали, лели, прокатали.
 На вороненьком коне каталися,
 Мы каталися, лели, каталися.

Блины

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

Богатые люди с понедельника начинают печь блины, а бедные с четверга или пятницы. В старину первый блин отдавался нищей братии на помин усопшим. В степных селениях первый блин кладут на слуховое окошко для душ родителей. Старухи, кладя блин на это окно, приговаривают: «Честные наши родители! Вот для вашей души блинок». Прежде печения блинов на-

ши женщины-стряпухи изготавливают опару с особыми обрядами. Одни опару готовят из снега, на дворе, когда взойдет месяц. Здесь они причитывают: «Месяц ты месяц, золотые твои рожки! Выглянь в окошко, подуй на опару». Они остаются в полной уверенности, что месяц выглядывает из окошка и дует на опару. От этого будто блины бывают белые, рыхлые. Другие выходят вечером готовить опару на речки, колодези и озера, когда появятся звезды. Приготовление первой опары содержится в величайшей тайне от всех домашних и посторонних. Малейшая неосторожность стряпухи наводит на хо-

*Ах ты, Домнушка,
Красно солнышко!
Вставай с печи.
Гляди в печь –
Не пора ли блины печь?
Поддай широкой Масленице!*

*Пришла Маслена неделя,
Была у кума на блинах.
У кума была сестрица,
Печь блины-то мастерица.
Напекла их кучек шесть –
Семерым их не поесть.
А сели четверо за стол,
Дали душеньке простор,
Друг на друга поглядели,
И – блины-то все поели!*

А.В. Маковский

◀ НОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ. У ПЕЧКИ. 1918

Б.В. Зворыкин

▶ С ШИРОКОЙ МАСЛЕНИЦЕЙ. 1910

Открытка

зятю тоску в продолжение всей недели. Где нет свекра и свекрови, где молодые встречают первую Масленицу, тещи приходят к зятям в дом учить своих дочек печь блины. В старину зятя и дочери приглашали заранее таких гостей поучить уму-разуму. Это призвание считалось нашими бабушками за великую честь; о нем говорили все соседи и родные. Званая теща обязана была прислать с вечера весь блинный снаряд: таган, сковороды, дежники, половник и кадку, в чем ставить блины. Тесть присылал: мешок манной, гречневой муки и коровьего масла. Неуважение зятя к сему обычаю считалось бесчестием и обидой и поселяло вечную вражду между тещей и зятем.

Блины пшеничные

Четыре стакана пшеничной муки ставятся с тремя стаканами теплого молока и двумя лотами дрожжей в теплое место; когда тесто подойдет, в него постепенно вливается стакан кипяченого молока, добавляется пять желтков, две ложки растопленного масла, соль, по вымешиванию — взбитые в пену белки, после чего опара выливается на сковородки.

Из поваренной книги
графини Софьи Андреевны Толстой

Блины обыкновенные

Взяв фунт с четвертью крупитчатой муки и три четверти фунта гречневой, размешать в полутора стаканах теплой воды четыре золотника дрожжей, вылить на треть приготовленной мучной смеси. Поместив опару под полотенцем на ситечко с горячей водой, дают тесту подняться, через полчаса досыпают остальную муку, взбивают тесто лопаточкой, дают еще раз подняться, часа через три разводят его четырьмя стаканами теплого молока в соединении с тремя цельными яйцами, столовой ложкой соли и чайной ложкой сахара, а еще полчаса спустя начинают печь блины.

Из поваренной книги
графини Софьи Андреевны Толстой

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Василий Никифоров-Волгин

Редкий великопостный звон разбивает скованное морозом солнечное утро, и оно будто бы рассыпается от колокольных ударов на мелкие снежные крупинки. Под ногами скрипит снег, как новые сапоги, которые я обуваю по праздникам.

Чистый понедельник. Мать послала меня в церковь «к часам» и сказала с тихой строгостью: «Пост да молитва небо открывают!»

Иду через базар. Он пахнет Великим постом: редька, капуста, огурцы, сушеные грибы, баранки, сметки, постный сахар... Из деревень привезли мно-

го веников (в Чистый понедельник была баня). Торговцы не ругаются, не зубоскалят, не бегают в казенку за сотками и говорят с покупателями тихо и деликатно:

- Грибки монастырские!
- Венички для очищения!
- Огурчики печорские!
- Снеточки причудские!

От мороза голубой дым стоит над базаром. Увидел в руке проходившего мальчишки прутик вербы, и сердце охватила знобкая радость: скоро весна, скоро Пасха и от мороза только ручейки останутся!

И.Г. Грабарь

◀ ИНЕЙ В МОСКВЕ. 1934

Л.С. Бакст

▶ РЕБЕНОК ПЕРЕД ИКОНОЙ

В церкви прохладно и голубовато, как в снежном утреннем лесу. Из алтаря вышел священник в черной епитрахили и произнес никогда не слышимые слова:

«Господи, иже Пресвятаго Своего Духа в третий час апостолом Твоим ниспославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящихся...»

Все опустились на колени, и лица молящихся, как у предстоящих пред Господом на картине «Страшный суд». И даже у купца Бабкина, который побоями вогнал жену в гроб и никому не отпускает товар в долг, губы дрожат от молитвы и на выпуклых глазах слезы. Около Распятия стоит чиновник Остряков и тоже крестится, а на Масленице похвалялся моему отцу, что он, как образованный, не имеет права верить в Бога. Все молятся, и только церковный староста звенит медяками у свечного ящика.

За окнами снежной пылью осыпались деревья, розовые от солнца.

После долгой службы идешь домой и слушаешь внутри себя шепот: «Обнови нас, молящихся... даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего». А кругом солнце. Оно уже сожгло утренние морозы. Улица звенит от ледяных сосулек, падающих с крыш.

Обед в этот день был необычайный: редька, грибная похлебка, гречневая каша без масла и чай яблочный. Перед тем как сесть за стол, долго крестились перед иконами. Обедал у нас нищий старичок Яков, и он сказывал: «В монастырях, по правилам святых отцов, на Великий пост положено сухоястие, хлеб да вода... А святой Ерм со своими учениками вкушали пищу единожды в день и только вечером...»

Я задумался над словами Якова и перестал есть.

— Ты что не ешь? — спросила мать.

Я нахмурился и ответил басом, исподлобья:

— Хочу быть святым Ермом!

Все улыбнулись, а дедушка Яков погладил меня по голове и сказал:

— Ишь ты, какой восприимный!

Постная похлебка так хорошо пахла, что я не сдержался и стал есть; дохлебал ее до конца и попросил еще тарелку, да погуще.

Наступил вечер. Сумерки колыхнулись от звона к великому повечерию. Всей семьей мы пошли к великому канона Андрея Критского. В храме полумрак. На середине стоит аналой в черной ризе, и на нем большая старая книга. Много богомольцев, но их почти не слышно, и все похоже на тихие деревца в вечернем саду. От скудного освещения лики святых стали глубже и строже.

Полумрак вздрогнул от возгласа священника — тоже какого-то далекого, окутанного глубиной. На

Л.В. Попов
ДЕВУШКА СО СВЕЧОЙ

М.Г. Абакумов
▶ НАРОДИЛСЯ МЕСЯЦ
В МАРТЕ. 2002

клиросе запели, — тихо-тихо и до того печально, что защемило в сердце: «Помощник и покровитель бысть мне во спасение: сей мой Бог, и прославлю Его, Бог Отца моего, и вознесу Его, славно бо прославился...»

К аналою подошел священник, зажег свечу и начал читать великий канон Андрея Критского: «Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний; кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию, но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление».

После каждого прочитанного стиха хор вторит батюшке: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя...»

Долгая, долгая, монастырски строгая служба. За погасшими окнами ходит темный вечер, осыпанный звездами. Подошла ко мне мать и шепнула на ухо:

— Сядь на скамейку и отдохни малость...

Я сел, и охватила меня от усталости сладкая дрема, но на клиросе запели: «Душе моя, душе моя, возстань, что спиши!»

Я смахнул дрему, встал со скамейки и стал креститься.

Батюшка читает: «Согреших, беззаконновах и отвергох заповедь Твою...»

Эти слова заставляют меня задуматься. Я начинаю думать о своих грехах. На Масленице стянул у отца из кармана гривенник и купил себе пряников; недавно запустил комом снега в спину извозчика; приятеля своего Гришку обозвал «рыжим бесом», хотя он совсем не рыжий; тетку Федосью прозвал «грызлой»; утаил от матери сдачу, когда покупал керосин в лавке, и при встрече с бабушкой не снял шапку.

Я становлюсь на колени и с сокрушением повторяю за хором: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя...»

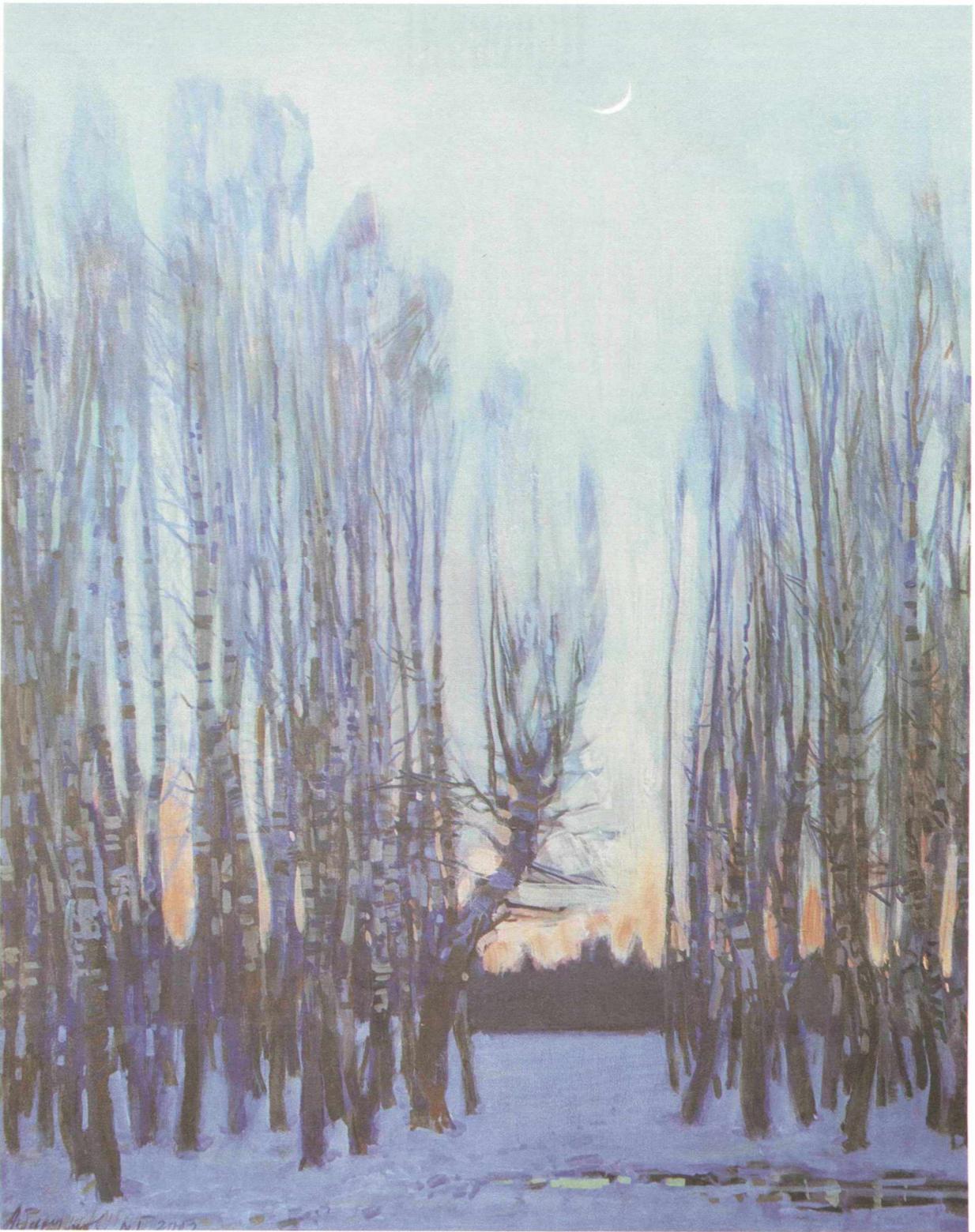
Когда шли из церкви домой, дорогою я сказал отцу, понурив голову:

— Папка! Прости меня, я у тебя стянул гривенник! — Отец ответил: «Бог простит, сынок».

После некоторого молчания обратился я и к матери:

— Мама, и ты прости меня. Я сдачу за керосин на пряниках проел. — И мать тоже ответила: «Бог простит».

Засыпая в постели, я подумал: «Как хорошо быть безгрешным!»

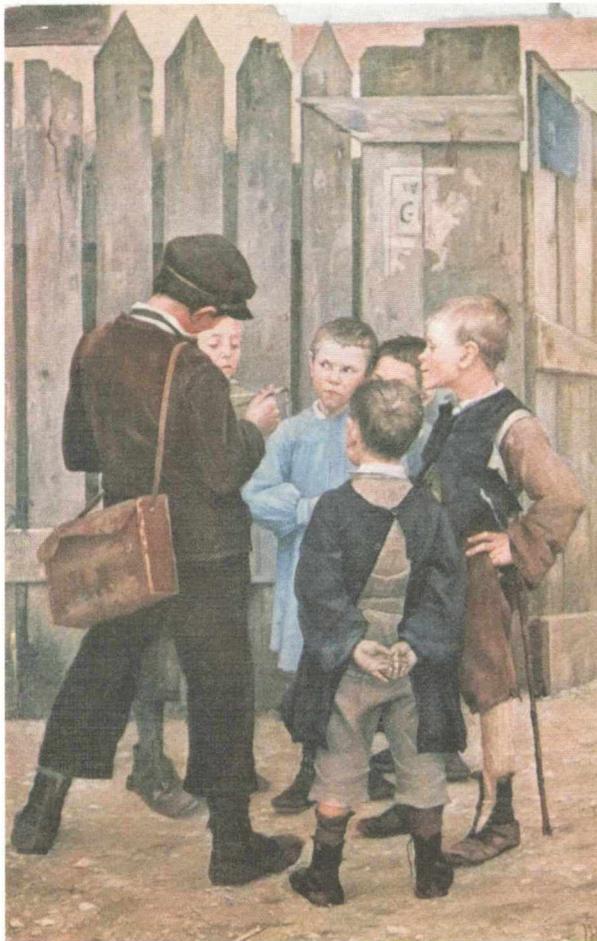

ИСПОВЕДЬ

Василий Никифоров-Волгин

— Ну, Господь тебя простит, сынок... Иди с молитвой. Да смотри, поуставнее держи себя в церкви. На колокольню не лазай, а то пальто измызгаешь. Помни, что за шитье-то три целковых плочено, — напутствовала меня мать к исповеди.

— Деньги-то в носовой платок увяжи, — добавил отец, — свечку купи за три копейки и батюшке за исповедь дашь пятак. Да смотри, ежова голова,

не проиграй в орла и решку и батюшке отвечай по совести!

— Ладно! — нетерпеливо буркнул я, размашисто крестясь на иконы.

Перед уходом из дома поклонился родителям в ноги и сказал:

— Простите меня, Христа ради!

На улице звон, золотая от заходящего солнца размытая дорога, бегут снеговые звонкие ручейки, на деревьях сидят скворцы, по-весеннему гремят телеги, и далеко-далеко раздаются их дробные скачущие шумы.

Дворник Давыд раскалывает ломом рыхлый лед, и он так хорошо звенит, ударяясь о камень.

— Куда это ты таким пижоном вырядился? — спрашивает меня Давыд, и голос его особенный, не сумеречный, как всегда, а чистый и свежий, словно его прояснил весенний ветер.

— Исповедаться! — важно ответил я.

— В добрый час, в добрый, но только не забудь сказать батюшке, что ты прозываешь меня «подметалой-мучеником», — ослабилась дворник.

На это я буркнул:

— Ладно!

Мои приятели — Котька Лютов и Урка Дубин пускают в луже кораблики из яичной скорлупы и делают из кирпичей запруду.

Урка недавно ударил мою сестренку, и мне очень хочется подойти к нему и дать подзатыльника, но вспоминаю, что сегодня исповедь и драться грешно. Молча, с надутым видом, прохожу мимо.

— Ишь, Васька зафорсил-то! — насмешливо отзывается Котька. — В пальто новом... в сапогах, как кот... Обувь лаковая, а рожа аховая!

М.К. Баширицева
ВСТРЕЧА

М.Г. Абакумов
▶ МАРТ. ВЕЧЕР. КОЛОМНА. 2002

— А твой отец моему тятке до сих пор полтинник должен! — сквозь зубы возражаю я и осторожно, чтобы не забрызгать грязью лакированных сапог, медленно ступаю по панели. Котья не остается в долгу и кричит мне вдогонку звонким рассыпным голосом:

— Сапожные шпильки!

Ах, с каким бы наслаждением я наклал бы ему по шее за сапожные шпильки! Форсит, адиег, шкилетина, что у него отец в колбасной служит, а мой тятка сапожник... Сапожник, да не простой! Купцам да отцам дьяконам сапоги шьет, не как-нибудь!

Гудят печальные великопостные колокола.

«Вот ужю... после исповеди, я Котьке покажу!» — думаю я, подходя к церкви.

Церковная ограда. Шершавые вязы и мшистые березы. Длинная зеленая скамейка, залитая дымчатым вечерним солнцем. На скамейке сидят исповедники и ждут начала великого повечерия. С колокольни раздаются голоса ребят, вспугиваю-

щие церковных голубей. Кто-то увидел меня с высоты и кличет:

— Ва-а-сь-ка! Сыпь сюда!

Я как будто бы не слышу, а самому очень хочется подняться по старой скрипучей лестнице на колокольню, позвонить в колокол, с замиранием сердца поглядеть на разбросанный город и следить, как тонкие бирюзовые сумерки окутывают вечернюю землю, и слушать, как замирают и гаснут вечерние шумы.

— Одежду и сапоги измыгаешь, — вздыхаю я, — нехорошо, когда ты во всем новом!

— И вот, светы мои, в пустыне-то этой подвизались три святолепных старца, — рассказывает исповедникам дядя Осип, кладбищенский сторож. — Молились, постились и трудились... да... трудились... А кругом одна пустыня...

Я вникаю в слова дяди Осипа, и мне представляется пустыня, почему-то в виде неба без облаков.

— Васька! И ты исповедаться? — раздается сиплый голос Витьки.

На него я смотрю сердито. Вчера я проиграл ему три копейки, данные матерью, чтобы купить мыла для стирки, за что и влетело мне по заливку.

— Пойдем, сыгранем в орла и решку, а? — упрямивает меня Витька, показывая пятак.

— С тобой играть не буду! Ты всегда жулишь!

— И вот пошли три старца в один град к мужу праведному, — продолжает дядя Осип.

Я смотрю на его седую длинную бороду и думаю: «Если бы дядя Осип не пьянствовал, то он обязательно был бы святым!..»

Великое повечерие. Исповедь. Густой душистый сумрак. В душу глядят строгие глаза батюшки в темных очках.

— Ну, сахар-то, поди, таскал без спросу? — ласково спрашивает меня.

Боясь поднять глаза на священника, я дрожащим голосом отвечаю:

— Не... у нас полка высокая!..

И когда спросил он меня: «Какие же у тебя грехи?», я после долгого молчания вдруг вспомнил тяжкий грех. При одной мысли о нем бросило меня

в жар и холод. «Вот-вот, — встревожился я, — сейчас этот грех узнает батюшка, прогонит с исповеди и не даст завтра Святого причастия...»

И чудится, кто-то темноризный шепчет мне на ухо: «Кайся!»

Я переминаюсь с ноги на ногу. У меня кривится рот, и хочется заплакать горькими покаянными слезами.

— Батюшка... — произношу сквозь всхлипы, — я... я... в Великом посту... колбасу трескал! Меня Витька угостил... Я не хотел... но съел!..

Священник улыбнулся, осенил меня темной ризой, обвеянной фимиамными дымками, и произнес важные, светлые слова.

Уходя от анаоя, я вдруг вспомнил слова дворника Давыда, и мне опять стало горько. Выждав, пока батюшка происповедал кого-то, я подошел к нему вторично.

— Ты что?

— Батюшка! У меня еще один грех. Забыл сказать его... Нашего дворника Давыда я называл «подметалой-мучеником»...

Когда и этот грех был прощен, я шел по церкви с сердцем ясным и легким и чему-то улыбался.

Дома лежу в постели, покрытый бараньей шубой, и сквозь прозрачный тонкий сон слышу, как отец тачает сапог и тихо, с перебивками, по-старинному, напевает: «Волною морскою, скрывшаго древле». А за окном шумит радостный весенний дождь...

Снился мне рай Господень. Херувимы поют. Цветочки смеются. И как будто бы сидим мы с Котькой на травке, играем наливными райскими яблоками и друг друга просим прощения.

— Ты прости меня, Вася, что я тебя «сапожными шпильками» обозвал!

— И ты, Котя, прости меня. Я тебя «шкилетом» ругал!

А кругом рай Господень и радость несказанная!

Молитва

*В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть —
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

*Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

*С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...*

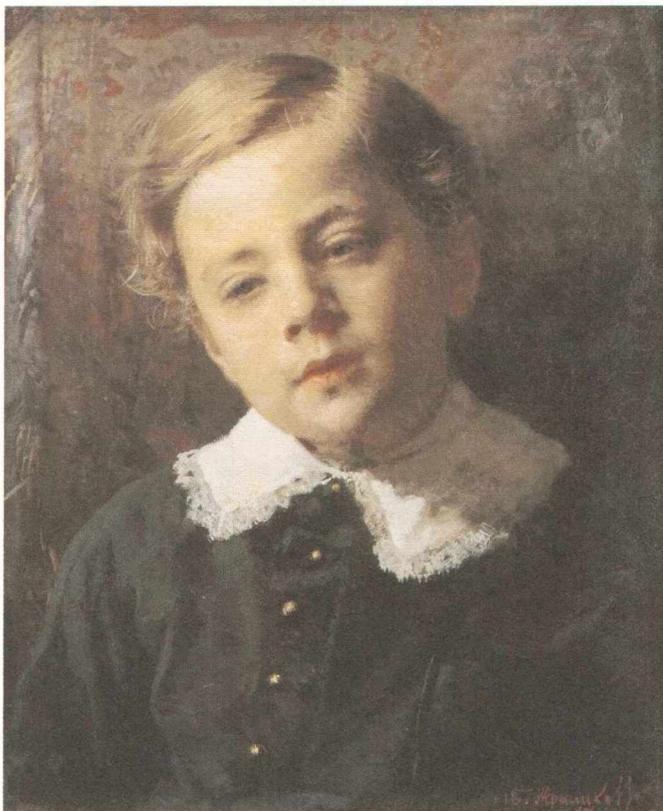
Михаил Лермонтов
1839

Н.А. Кошелев
▲ ХЕРУВИМ

А.И. Корзухин
▲ ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ. 1877

И.Н. Крамской
▼ ПОРТРЕТ
С.И. КРАМСКОГО,
СЫНА ХУДОЖНИКА,
В ДЕТСТВЕ. 1883

КРЕСТОПОКЛОННАЯ

Иван Шмелев. Отрывок из книги «Лето Господне»

В субботу третьей недели Великого поста у нас выпекаются «кресты»: подходит Крестопоклонная.

«Кресты» — особенное печенье, с привкусом миндаля, рассыпчатое и сладкое; где лежат поперечники «креста» — вдавлены малинки из варенья, будто гвоздочками прибито. Так спокон веку выпекали, еще до прабабушки Устиньи, — в утешение для поста. Горкин так наставлял меня:

— Православная наша вера, русская... она, милочка, самая хорошая, веселая! И слабого облегчает, уныние просветляет, и малым радость.

И это сушая правда. Хоть тебе и Великий пост, а все-таки облегчение для души, «кресты»-то. Только при прабабушке Устинье изюмины впекали, а теперь веселые малинки.

Крестопоклонная — неделя священная, строгий пост, какой-то особенный, — «су-губый», — Горкин так говорит, по-церковному. Если бы строго по-церковному держать, надо бы в суходении пребывать, а по слабости облегчение дает-

ся: в среду-пятницу будем вкушать без масла, — гороховая похлебка да винегрет, а в другие дни, которые «пестрые», — поблажка: можно икру грибную, суп с грибными ушками, тушеную капусту с кашей, клюквенный киселек с миндальным молоком, рисовые котлетки с черносливно-изюмным соусом, с шепталой, печеный картофель в сольце... — а на заедку всегда «кресты»: помни Крестопоклонную.

«Кресты» делает Марьюшка с молитвой, ласково приговаривает: «А это гвоздики, как прибивали Христа мучители-злодеи... сюда гвоздик, и сюда гвоздик, и...» — и вминает веселые малинки. А мне думается: «Зачем веселые... лучше бы синие черничники!..» Все мы смотрим, как складывает она «кресты». На большом противне лежат они рядками, светят веселыми малинками. Бельенькие «кресты», будто они из липки оструганы. Бывало, не дожدهшься: ах, скорей бы из печи вынимали!

И еще наставлял Горкин:

— Вкушай крестик и думай себе: Крестопоклонная, мол, пришла. А это те не в удовольствие, а... каждому, мол, дается крест, чтобы примерно жить... и покорно его неси, как Господь испытание посылает. Наша вера хорошая, худому не научает, а в разумение приводит.

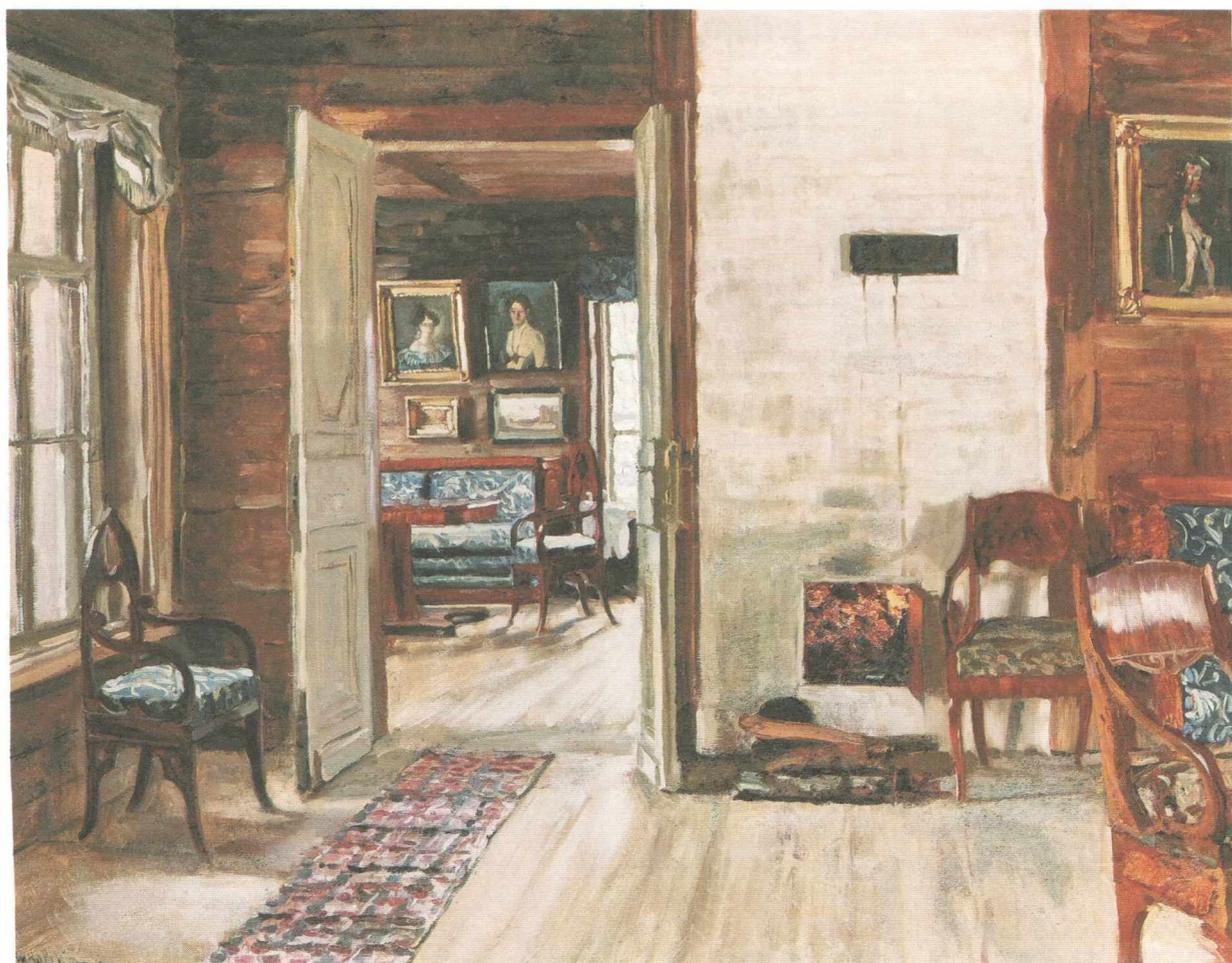
Как и в Чистый понедельник, по всему дому воскуряют горячим уксусом с мяткой, для благолепия-чистоты. Всегда курят горячим уксусом по-

◀ Постная выпечка

С.Ю. Жуковский

▶ ПОЭЗИЯ СТАРОГО ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА. 1912

сле тяжелой болезни или смерти. Когда померла прабабушка Устинья и когда еще братец Сережечка от скарлатины помер, тоже курили — изгоняли опасный дух. Так и на Крестопоклонную. Горкин последнее время что-то нетверд ногами, трудно ему носить медный таз с кирпичом. За него носит по комнатам Андрюшка, а Горкин поливает на раскаленный кирпич горячим уксусом-эстрагоном из кувшина. Розовый кислый пар вспыхивает над тазом шипучим облачком. Андрюшка отворачивает лицо, трудно дышать от пара. Этот шипучий дух выгонит всякую болезнь из дома. Я хожу за тазом, заглядываю в темные уголки, где притаился «нечистый дух». Весело мне и жутко. «Никто не видит, а он теперь корчится и бежит, — думаю я в восторге, — так его, хорошенько, хорошенько!..» — и у меня слезы на гла-

зах, щиплет-покалывает в носу от пара. Андрюшка ходит опасливо, боится. Горкин указывает тревожным шепотком: «Ну-ка, сюда, за шкаф... Пропарим начисто...» — шепчет особенные молитвы, старинные, какие и в церкви не поются: «...и заступи нас от козней и всех сетей неприязненных... вся дни живота...» Я знаю, что это от болезни — «от живота», а что это — «от козней-сетей»? Дергаю Горкина и шепчу: «От каких козней-сетей?» — он машет строго. После уж, как обкурили все комнаты, говорит:

— Дал Господь, выгнали всю нечистоту, теперь и душе полегче. Крестопоклонная, наступают строгие дни, преддверие Страстям... нонче Живо-творящий Крест вынесут, Христос на страдания выходит... и в дому чтобы благолепие-чистота.

Это — чтобы его и духу не было.

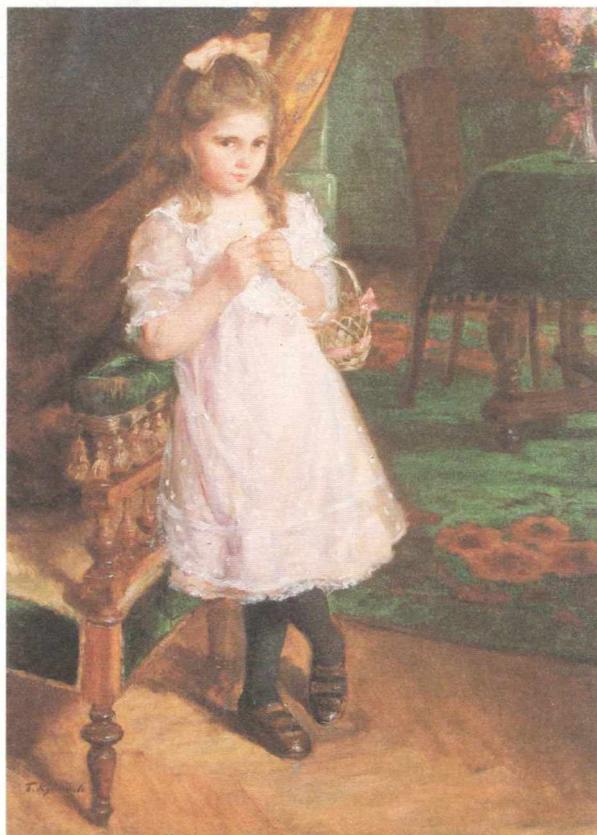
Постная кухня

В буфете остались самые расхожие тарелки, с бурями пятнышками-щербинками, — великопостные. В передней стоят миски с желтыми солеными огурцами, с воткнутыми в них зонтичками укропа, и с рубленой капустой, кислой, густо посыпанной анисом, — такая прелесть. Я хватаю щепотками, — как хрустит! И даю себе слово не скоромиться во весь пост. Зачем скоромное, которое губит душу, если и без того все вкусно! Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, «кресты» на Крестопоклонной... мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар — лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то «коливо»! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а... великая кулебяка на Благовещение, с визигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками... а моченые яблоки по воскресеньям, а талая, сладкая-сладкая «рязань»... а «грешники», с конопляным маслом, с хрустящей корочкой, с теплою пустотой внутри!

Неужели и там, куда все уходит из этой жизни, будет такое постное!

Иван Шмелев «Лето Господне»

Б.М. Кустодиев
ДЕВОЧКА В РОЗОВОМ
ПЛАТЬЕ. 1900-е

◀ Сахарная «голова»

Каша рассыпчатая на грибном бульоне

2 стакана смоленских круп или риса
5–10 грибов сушеных, соли
1/2 стакана прованского или подсолнечного масла
1 морковь, 1/2 петрушки, 1/2 сельдерея, 1 луковича,
1/2 порея, 5–6 штук английского перца

5–10 сушеных грибов вымыть в горячей воде, отварить в воде с солью, кореньями, прянощами и пучком зелени, вынуть грибы, мелко изрубить; бульон процедить, взять этого бульона 2 1/2 стакана, положить в него с 1/4 стакана прованского масла, поджаренного с луком, — вскипятить, всыпать вдруг всю крупу, шибко мешая, оставить на большом огне минут на 5, отставить на меньший огонь, накрыть крышкой; через 10 минут размешать, чтобы не было комков, прибавить еще масла, всыпать мелко изрубленные грибы, поставить в печь, чтобы слегка поджарились; подавая, выложить на блюдо.

В.Г. Перов
ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. 1866

Миндальное молоко к киселю, кашам, пудингам

$\frac{1}{3}$ – $\frac{3}{4}$ стакана сладкого миндаля

5 штук горького

$\frac{1}{8}$ – $\frac{1}{4}$ фунта мелкого сахара

$\frac{1}{8}$ – $\frac{1}{4}$ фунта сладкого миндаля
и 5 штук горького обварить
кипятком, очистить, мелко истолочь,
подливая по ложке воды, развести всего
2 стаканами горячей воды,
вскипятить, процедить, выжать
хорошенько, положить сахар.

Из поваренной книги Елены Молоховец, 1901

Крутая гречневая каша

2 фунта — 4 $\frac{1}{4}$ стакана гречневых круп

1–2 ложки масла, соли

2 фунта круп просеять, чтобы не оставалось в них муки,
можно поджарить на легком огне до колера, всыпать в горшок,
чтобы заняло немного более половины
горшка, положить 1–2 ложки масла,
соли, размешать, влить кипятку
так, чтобы кашу едва покрыло,
размешать, накрыть крышкой,
поставить в горячую печь на 3 часа.
Подаются к ней сахар и миндальное
или маковое молоко или патока.

Кутья из пшеницы с маком или с вареньем

1 фунт пшеницы перебрать, перемыть, всыпать в кипяток, когда закипит, отлить на дуршлаг, перелить холодной водою, сложить в кастрюльку, налить водою, вскипятить, накрыв крышкою, поставить в горячую печь на четыре часа. Когда упрет до мягкости, вынуть и поставить в холодное место. Между тем вымыть 1 стакан мака, обварить кипятком, слить воду, перемыть в холодной воде, слить ее, еще раз обдать кипятком, слить ее, обдать холодной водою, слить ее, тереть в каменной чашке, пока не побелеет и не разотрутся зерна, положить $\frac{1}{2}$ стакана сахара или ложки две меда, смешать с пшеницею, подлив немного кипяченой, но остывшей уже воды. Или вместо мака можно положить в пшеницу стакан ягод и фруктов из варенья, без сока, развести сахарною кипяченою водою.

Кисель клюквенный

2 стакана клюквы или барбариса,
то есть 1 фунт

Корица, цедра с $\frac{1}{2}$ лимона

1 стакан сахара, то есть $\frac{1}{2}$ фунта

Неполный стакан картофельной просеянной муки

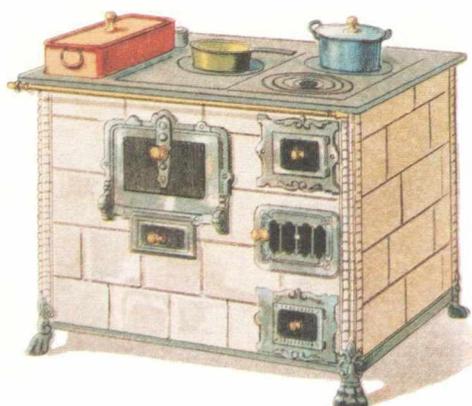
1 фунт клюквы или барбариса истолочь в деревянной ступке, развести водою, процедить, выжать; или ягоды раз вскипятить в воде с куском корицы и цедрою с $\frac{1}{2}$ лимона, раздавить ягоды ложкою, процедить, выжать; взять этого сока 5 стаканов, всыпать сахар, вскипятить, влить муку, разведенную 1 стаканом холодного сока, шибко мешая, раз вскипятить, если окажутся комки, процедить. Варить непременно в каменной кастрюльке или медном тазике, иначе цвет не будет чистый.

Из поваренной книги Елены Молоховец, 1901

Г.И. Горбатов
ТОРЖОК. 1917

Н.Н. Ге
ПОРТРЕТ МАЛЬЧИКА. 1878

Сороки

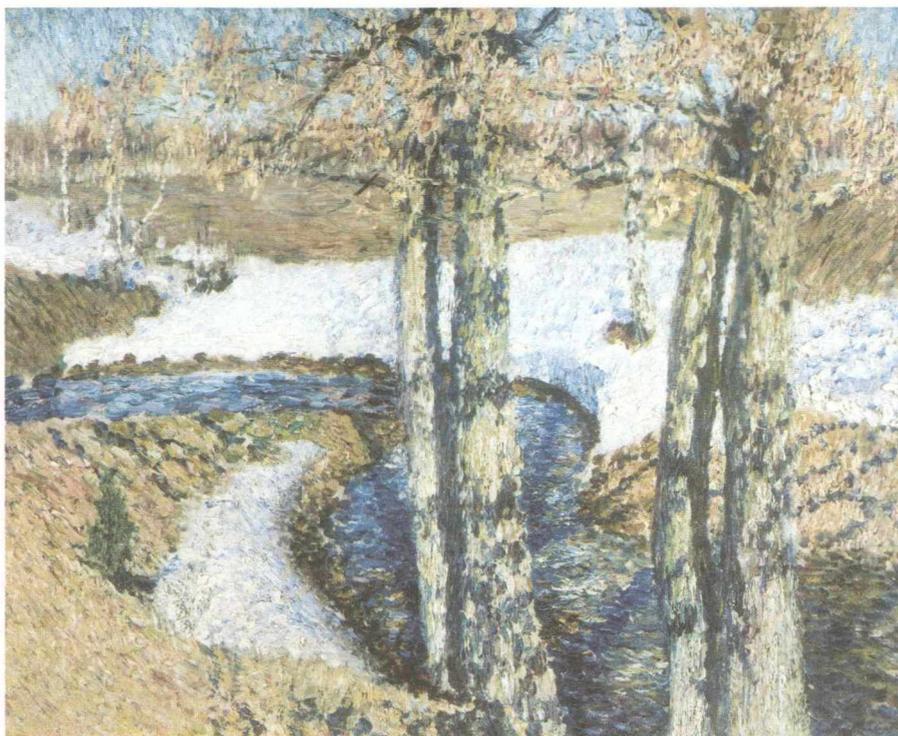
22 марта (9 марта)

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

Истари ведется обычай на Руси на день Сорока Мучеников печь из хлебного теста жаворонки. Затеяливые старушки пекут эти жаворонки с особенными вычурами: золотят всю птичку сусальным золотом, голову обмазывают медом и посылают их по родным, в гостинцы детям. С раннего утра торговки продают хлебные жаворонки на торгах и около церквей.

По замечанию поселаян, будто с 9 марта наступает весна. Поселяне Смоленской губернии выходят на этот день окликать весну, как делают первого марта.

Предвестниками весны, по их словам, бывает полет жаворонков. Это поверие встречать весну по прилетию птиц перешло к нам от греков, с тою только разницею, что они встречали весну при появлении соловьев.

И.Э. Грабарь
ВЕШНИЙ ПОТОК. 1904

► Икона
СОРОК МУЧЕНИКОВ
СЕВАСТИЙСКИХ

Детские Забавки

*Жаворонушки!
Прилетите к нам да принесите нам,
Нам весну красну да красно летеце.
Нам зима-то надоела, много хлебушка поела,
А воды-то попила да три колодезя.
Всю куделю перепряли да мотушки пермотали,
На базарик пертоскали, за копейки продавали,
За копейки продавали, детям хлеба покупали
Жаворонушки!*

*Лето, лето, вылазь из подклета!
А ты, зима, иди туда —
С сугробами высокими,
С сосульками морозными,
С санями, с подсанками!
А ты, лето, иди сюда —
С сохой, с бороной,
С кобылой вороной!
Лето теплое, хлебородное!*

Пост уже на исходе, идет весна. Прощумели скворцы над садом, — слышал их кучер, а на Сорок Мучеников прилетели и жаворонки. Каждое утро вижу я их в столовой: глядят из сухарницы востроносые головки с изюминками в глазках, а румяные крылышки заплетены на спинке. Жалко их есть, так они хороши, и я начинаю с хвостика.

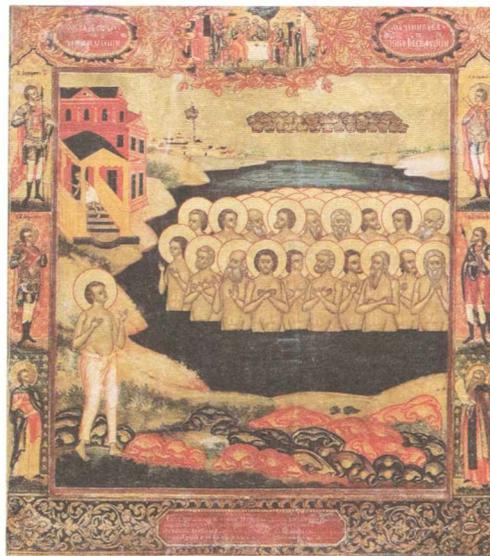
Иван Шмелев «Лето Господне»

Жаворонки

2 кг муки, 50 г дрожжей,
250 г растительного масла, 1 стакан сахара,
1/2 л воды, щепотка соли.

Жаворонки делаются из крепкого, упругого теста, из которого нужно раскатать валик, нарезать его на доли массой примерно 100 г. Затем раскатать из них жгуты, завязать узлом, «головке» придать птичью форму, вставить изюминки-глаза, слегка примять пальцами хвостик, сделать маленьким ножичком надрезы-перышки.

Смазать поверхность настоем крепкого чая с сахаром, испечь.

Благовещение Пресвятой Богородицы

7 апреля (25 марта)

Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы установлен в память явления Пресвятой Деве Марии благовестника тайн Божиих, архангела Гавриила. По обещанию, данному Богу святыми праведными Иоакимом и Анной — родителями Пресвятой Девы, — с 3 до 15 лет Она, посвященная на служение Богу, жила при Иерусалимском храме. Когда Ей пришло время оставить храм, то по решению священников Она была обручена со своим дальним родственником, благочестивым старцем Иосифом, и поселилась в его доме в городе Назарете.

Именно здесь за девять месяцев до Рождества Христова к Пресвятой Деве Марии является архангел Гавриил и сообщает ей благуя весть, что

Она чудесным образом родит Сына Божия, который спасет весь мир от греха и смерти. От слов «благая весть» и происходит название праздника — Благовещение.

Спасение от смерти! Кажется, это немислимо... Но всматриваешься в набухшие весенние почки деревьев, которые скоро разродятся свежими зелеными листьями, и успокаиваешься мыслью: сама природа демонстрирует нам это преодоление смерти, будущее воскресение.

Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы открывает последовательный ряд описанных в Новом Завете событий воплощения Сына Божия от Девы, предреченного еще в Ветхом Завете святым пророком Исаией в VIII веке до Рождества Христова.

Тропарь, глас 4:

Днесь спасения нашего главизна, и еже от века таинства явление; Сын Божий, Сын Девы бывает, и Гавриил благодать благовествует.

Тем же и мы с ним Богородице возопиим: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою.

Икона
БЛАГОВЕЩЕНИЕ

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Иван Шмелев. Отрывки из книги «Лето Господне»

Я просыпаюсь рано, а солнце уже гуляет в комнате. Благовещенье сегодня! В передней, рядом, гремит ведро и слышится плеск воды. «Погоди... держи его так, еще убьется...» — слышу я, говорит отец. — «Носик-то ему прижмите, не захлебнулся бы...» — слышится голос Горкина. А, соловьев купают, и я торопливо одеваюсь.

Пришла весна, и соловьев купают, а то и не будут петь. Птицы у нас везде. В передней чижик, в спальне канарейки, в проходной комнате — скворчик, в спальне отца канарейка и черный дроздик, в зале два соловья, в кабинете жаворонок, и даже в кухне у Марьюшки живет на покое,

весь лысый, чижик, который пищит — «чулки-чулки-паголенки», когда застучат посудой. В чуланах у нас множество всяких клеток с костяными шишечками, от прежних птиц. Отец любит возиться с птичками и зажигать лампадки, когда он дома. <...>

Мы идем от обедни. Горкин идет важно, осторожно: медаль у него на шее, из Синода! Сегодня пришла с бумагой, и батюшка преподнес, при всем приходе, — «за доброусердие при ктиторе». Горкин растрогался, поцеловал обе руки у батюшки, и с отцом крепко расцеловался, и с многими. Стоял за свечным ящиком и тыкал в глаза платочком. Отец смеется: «И в ошейнике ходит, а не лает!» Медаль серебряная, «в три пуда». Третья уже медаль, а две — «за хоругви присланы». Но эта — дороже всех: «за доброусердие ко Храму Божию». Лавочники завидуют, разглядывают медаль. Горкин показывает охотно, осторожно, и все целует, как показать. Ему говорят: «Скоро и почетное тебе гражданство выйдет!» А он посмеивается: «Вот почетно-то, о н о».

У лавки стоит низенький Трифоныч, в сереньком армячке, седой. Я вижу одним глазком: прячет он что-то сзади. Я знаю что: сейчас поднесет мне кругленькую коробочку из жести, фруктовое монпансье «ландрин». Я даже слышу — новенькой жостью пахнет и даже краской. И почему-то стыдно идти к нему. А он все манит меня, присаживается на корточки и говорит так часто:

— Имею честь поздравить с высококорадостным днем Благовещения, и пожалуйста пальчик, — он цепляет мизинчик за мизинчик, подергает и всегда что-нибудь смешное скажет: «От Трифоныча Юрцова, господина Скворцова, ото всего сердца, зато без перца...» — и сунет в руку коробочку.

А во дворе сидит на крыльчке Солодовкин с вязанкой клеток под черным коленкором. Он в отрепанном пальтеце, кажется — очень бедный. Но говорит, как важный, и здоровается с отцом за руку.

Я.Ф. Капков

▶ БЛАГОВЕЩЕНИЕ. 1852

В.А. Тропинин

♣ МАЛЬЧИК СО ЩЕГЛОМ

— Поздравь Горку нашу, — говорит отец, — дали ему медаль в три пуда!

Солодовкин жмет руку Горкину, смотрит медаль и хвалит. «Только не возгордился бы, — говорит. — У моих соловьев и золотые имеются, а нос задирают, только когда поют. Принес тебе, Сергей Иванович, тенора-певца Усатова, из Большого театра прямо. Слышал, ты его у Егорова в Охотном облюбовал. Сделаем ему лепетицию».

— Идем чай пить с постными пирогами, — говорит отец. — А принес мелочи... записку тебе писал?

Солодовкин запускает руку под коленкор, там начинается трепыхня, и в руке Солодовкина я вижу птичку.

— Бери в руку. Держи — не мни... — говорит он строго. — погоди, а знаешь стих: «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда»? Так, молодец. А — «Вчера я растворил темницу воздушной пленницы моей»? Надо обязательно знать, как можно! Теперь сам будешь, на практике. В небо гляди, как она запоет, улетая. Пускай!..

Я до того рад, что даже не вижу птичку, — serenee и тепленькое у меня в руках. Я разжимаю пальцы и слышу — пырхх... — но ничего не ви-

жу. Вторую я уже вижу, на воробья похожа. Я даже ее целую и слышу, как пахнет курочкой. И вот она упорхнула вкось, вымахнула к сараю, села... — и нет ее! Мне дают и еще, еще. Это такая радость! Пускают и отец, и Горкин. А Солодовкин все еще достает под коленкором. Старый кучер Антип подходит, и ему дают выпустить. В сторонке Денис покуривает трубку и сплевывает в лужу. Отец зовет: «Иди, садовая голова!» Денис подскакивает, берет птичку, как камушек, и запускает в небо, совсем необыкновенно. Везжает наша новая пролетка, вылетают наши и тоже выпускают. Проходит Василь Василич, очень парадный, в сияющих сапогах — в калошах, грызет подсолнушки. Достает серебряный гривенник и дает Солодовкину: «Ну-ка, продай для воли!» Солодовкин швыряет гривенник, говорит: «Для общего удовольствия пускай!» Василь Василич по-своему пускает — из пригоршни.

— Все. Одни теперь тенора остались, — говорит Солодовкин, — пойдем к тебе чай пить с пирогами. Господина Усатого посмотрим.

Какого «господина Усатого»? Отец говорит, что есть такой в театре певец Усатов, как соловей. Кричат на крыше. Это Горкин. Он машет шестиком с тряпкой и кричит — шиш!.. шиш!..

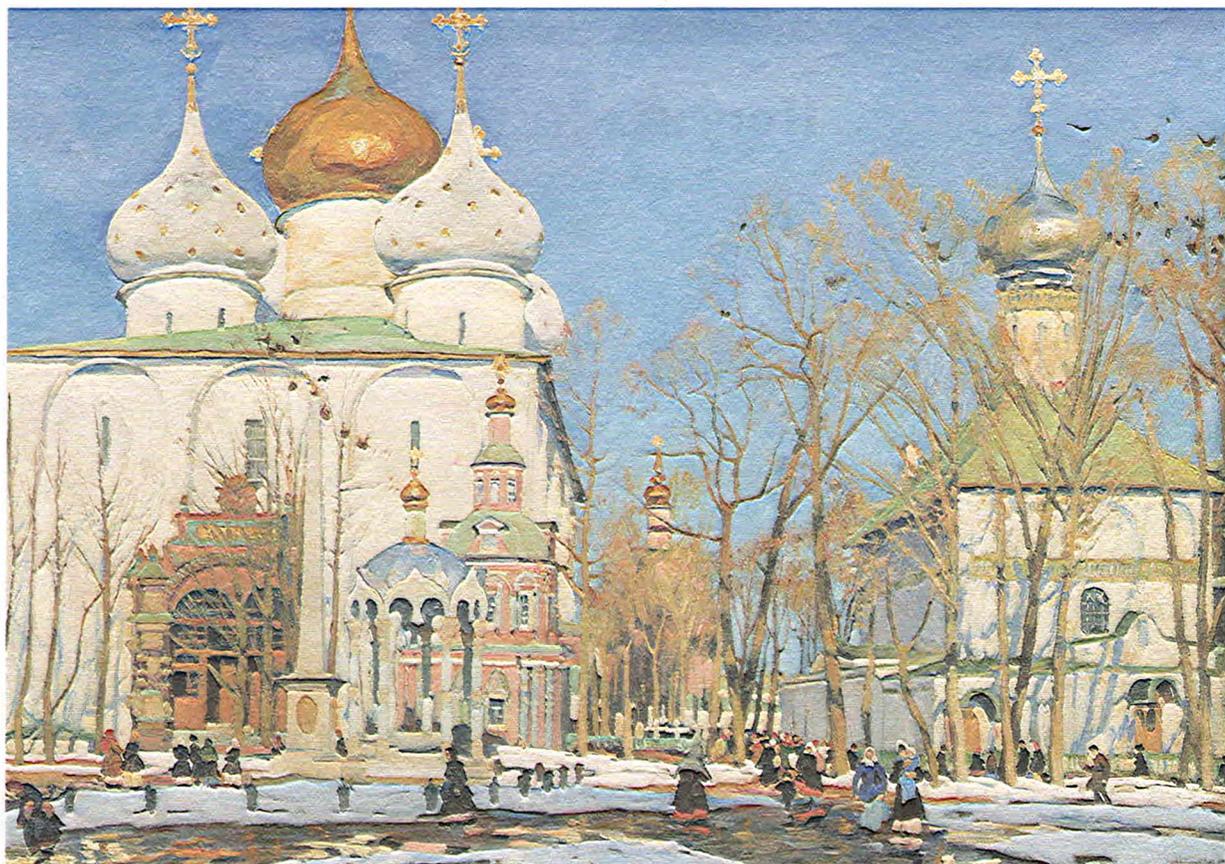

Гоняет голубков, я знаю. С осени не гонял. Мы останавливаемся и смотрим. Белая стая забирает выше, делает круги шире... вертится турманок. Это чистяки Горкина, его «слабость». Где-то он их меняет, прикупает, и в свободное время любит возиться на чердаке, где голубятня. Часто зовет меня, — как праздник! У него есть «монашек», «галочка», «шилохвостый», «козырные», «дуттики», «путы-ноги», «турманок», «паленый», «бронзовые», «трубачи», — всего и не упомнишь, но хорошо всех знает. Сегодня радостный день, и он выпускает голубков — «по воле». Мы глядим или, пожалуй, слышим, как «галочка»-то забирает, как «турманок винтится». От стаи — белый, снежистый блеск, когда она начинает «накрываться» или «идти вертушкой». Нам объясняет Солодовкин.

Он кричит Горкину: «Галочку» подопри, а то накроют!» Горкин кричит пронзительно, прыгает по крыше, как по земле. Отец удерживает: «Старик, сорвешься!» Я вижу и Василь Василича на крыше, и Дениса, и кучера Гаврилу, который бросил распрягать лошадь и ползет по пожарной лестнице. Кричат: «С Конной пустили стаю, пушкинские-мясниковы накроют “галочку”!» «И с Якиманки выпущены. Оконишников сам взялся, держись, Горкин!» Горкин едва уж

И.Е. Данилевский
ПРОДАВЕЦ ПТИЦ. 1989

машет. Василь Василич хватает у него гонялку и так наваривает, что стая опять взмывает, забирает над «галочкой», турманок валится на нее — «головку ей крутит лихо», и «галочка» опять в стае — «освоилась». Мясникова стая пролетает на стороне — «утерлась!» Горкин грозит кулаком куда-то, начинает вытирать лысину. Поблескивая, стайка садится ниже, завинчивая полет. Горкин, я вижу, крестится: рад, что прибилась «галочка». Все чистяки на крыше, сидят рядком. Горкин цапается за гребешки, сползает задом.

— Дурак старый... голову потерял, убьешься! — кричит отец.

— ...«Га...лочкаааа...», — слышится мне невнятно, — ...нет другой... турманишка... себя не помнит... сменяю подлеца!..

Лужи и слуховые окна пускают зайчиков: кажется, что и солнце играет с нами, веселое, как на Пасху. Такая и Пасха будет!

***

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

*Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!*

Александр Пушкин
1823

К.Ф. Юон
▲ ДЕНЬ БЛАГОВЕЩЕНИЯ. 1922

Постная кухня

Пахнет рыбными пирогами с луком. Кулебяка с визигой — называется «благовещенская», на четыре угла: с грибами, с семгой, с налиимьей печенкой и с судачьей икрой, под рисом, — положена к обеду, а пока — первые пироги.

Иван Шмелев «Лето Господне»

Пирог с визигой, рисом и рыбою

На фарш:

От $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ фунта визиги, 1 стакан риса

1 $\frac{1}{2}$ или 2 фунта рыбы, укропа

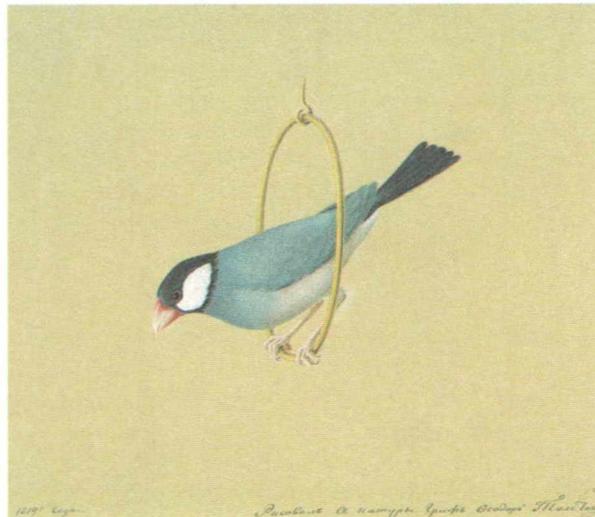
Зеленой петрушки, $\frac{1}{4}$ стакана масла

1 петрушку, 1 луковицу (зеленого лука)

Простого перца зерна 2 и соли

Визигу с вечера замочить в воде; на другой день вымыть, залить чистой водой и варить, пока не сделается мягкой и прозрачною, положив соли, английского перца, $\frac{1}{2}$ петрушки, $\frac{1}{2}$ луковицы; откинуть на решето, можно пролить холодной водой, мелко изрубить, положить соли. Отдельно приготовить рис, сварив рис в воде с 1 луковицей, петрушкою и 1 ложкою масла; прибавить ложку рыбного бульона, укроп, зеленой петрушки (зеленого лука), смешать все вместе; $\frac{3}{4}$ этого фарша положить на раскатанное тесто, наверх самые тоненькие ломтики очищенной от костей, немного посоленной, посыпанной простым перцем и в салфетке осушенной щуки, судака, леща, лососины, осетрины, сига или сырой семги, покрыть остальным фаршем, потом тестом, поставить в печь, на 1 час приблизительно.

Из поваренной книги Елены Молоховец, 1901

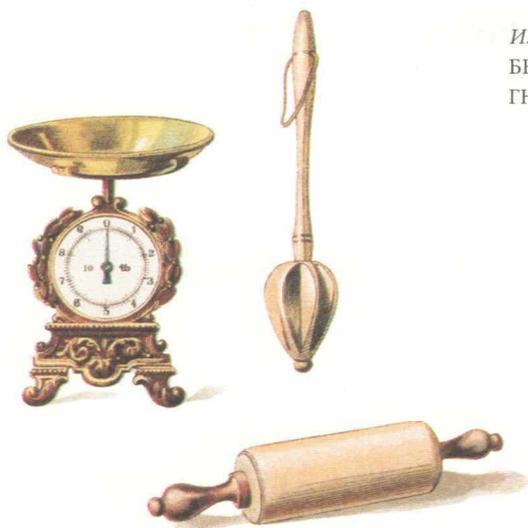
Ф.И. Толстой

ПТИЧКА В КОЛЬЦЕ. 1819

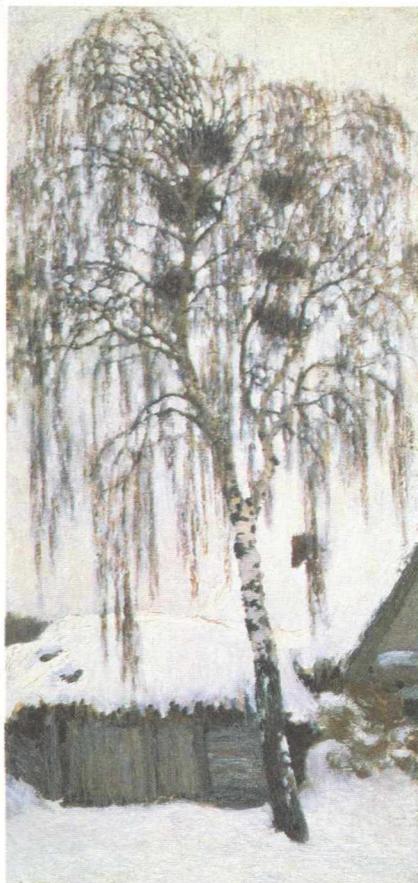
Детская закуска

Синички-сестрички,
Тетки-чететки,
Краснозобые снегирюшки,
Щеглята-молодцы,
Воры-воробы!
Вы на воле летайте,
Вы на вольной поживите,
К нам весну скорей ведите!

И.Э. Грабарь
БЕЛАЯ ЗИМА. ГРАЧИНЫЕ
ГНЕЗДА. 1904

Постное тесто на дрожжах для пирожков и пирогов

1 ¹/₂ — 2 фунта муки, 1 ¹/₂ — 1 ³/₄ стакана воды, 2 золотника дрожжей
1/4 стакана подсолнечного, макового или орехового масла, соли
Пива или чего другого смазать тесто

Всыпать 2 стакана просеянной крупитчатой муки, влить 1 ¹/₂ или 1 ³/₄ стакана теплой воды с разведенными в ней 2 золотниками сухих дрожжей, размешать и выбить до гладкости и пузырьков, поставив в теплое место, дать подняться. Когда поднимется, выбить хорошенько, всыпать чайную ложку соли, влить ложки 2–3 макового, подсолнечного или орехового масла, всыпать остальную муку, выбить хорошенько так, чтобы тесто отставало от рук, дать еще раз подняться. Потом раскатать тесто, положить его на маслом смазанный лист, положить начинку, защипать, дать подняться, смазать кипятком или маслом, смешать с холодной водою и небольшим количеством муки или пивом; если сладкие пироги, то смазать медом, вставить в горячую печь; вынув из печи, смазать маслом.

Из поваренной книги Елены Молоховец, 1901

Вход Господень в Иерусалим

Переходящий праздник,
за неделю до Пасхи

«**И** альчики да девочки свечечки да вербочки понесли домой. Огонечки теплятся, прохожие крестятся и пахнет весной...» Так образно передал Александр Блок настроение праздника «Вход Господень в Иерусалим», или, как его еще называют, «Вербное воскресенье».

Этот праздник совершается в воскресный день за неделю до празднования Светлого Христова Воскресенья, в память о торжественном Входе Господа Иисуса Христа в Иерусалим — главный город Святой земли. Накануне Господь Иисус Христос совершил воскрешение четырехдневного Лазаря (поэтому субботный день, предшествующий Вербному воскресенью, именуется Лазаревой субботой).

На следующий день Христос въехал в Иерусалим на молодом осленке, приветствуемый множеством людей, узнавших о чуде воскрешения Лазаря. Народ

постилал на Его пути свои одежды и ветви деревьев, торжественно восклицая: «Осанна (спасение) Сыну Давидову! Благословен грядущий во имя Господне! Осанна в вышних!» Однако эти же люди всего лишь через несколько дней будут кричать римскому правителю Пилату уже иное: «Возьми, возьми, распни Его!»

По церковной традиции, в этот день в храмах верующие, как бы встречая невидимо грядущего Господа, стоят на богослужении с веточками верб в руках (отсюда и другое название праздника — Вербное воскресенье). Вербы заменяют собой вайя — пальмовые ветви, которые держали в руках встречавшие Христа жители Иерусалима.

Неделя после праздника Входа Господня в Иерусалим именуется Страстной седмицей. В это время вспоминаются события последних дней земной жизни Спасителя, Его страдания и Крестная смерть.

Тропарь, глас 1:

*Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя,
из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже.
Темже и мы, яко отроцы победы знамения носяще,
Тебе, Победителю смерти вопием:
осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне.*

Икона
ВХОД В ИЕРУСАЛИМ. XVI век

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Иван Шмелев. Отрывки из книги «Лето Господне»

За день так стаяло-подсушило, что в саду под крыжовником куры уж обираться стали, встряхиваться, — к дождю, пожалуй. Лужа на дворе растёт не по дням, а по часам; скоро можно на плотике катиться, утки уж плещутся-ныряют. У лужи, на бережку, стоят стариковы дровянки с вербой, — совсем роща, будто верба у лужи выросла, и двор наш весь словно просветился, совсем другой, — радостный весь, от вербы. Горкин Цыганку велел в сарай пока запереть, а то ну-ка на санки вскочет-набездобразит, а это не годится, вер-

ба церковная. На речке Сетуньке, где росла, — высоко росла, высокое дерево верба, птица только присядет, а птица не собака, не поганит. Я смотрю на вербу и радуюсь: какие добрые — привезли! Сколько дней по Сетуньке в талом снегу топтались, все руки ободрали, и теперь сколько же народу радоваться будет в церкви! Христа встречать!.. И Горкин не нарадуется на вербу: задалась-то какая нонче, румяная да пушистая, золотцем тронуло вербешки! Завтра за всюнощной посвятим, домой принесем свяченую, в бутылочку поставим, — она как раз к Радунце, на

С.И. Блонская
ВЕРБНОЕ
ВОСКРЕСЕНИЕ. 1900

Б.М. Кустодиев
▶ ВЕСНА. 1921

Фоминой, белые корешки-ниточки выпустит. И понесем на Даниловское, покойному Мартыну-плотнику в голова посадим, порадуем его душеньку... И Пелагее Ивановне посадим, на Ваганьковском. И как хорошо устроено: только зима уходит, а уж вербочка опушилась — Христа встречать.

— Все премудро сотворено... — радуется на вербу Горкин, поглаживает золотистые вербешки. — Нигде сейчас не найти цветочка, а верба разубралась. И всегда так, на святого Лазаря, на Вход Господень. И дерева кланяются Ему, поют Осанну. Осанна-то?.. А такое слово, духовное. Сияние, значит, божественное, — Осанна. Вот она с нами и воспоет завтра Осанну, святое деревцо. А потом, дома, за образа поставим, помнить год цельный будем.

Я спрашиваю его — это чего помнить?

— Как — чего?.. Завтра Лазаря воскресил Господь. Вечная, значит, жизнь всем будет, все вос-

креснем. Кака радость-то! Так и поется: «Общее воскресение... из мертвых Лазаря воздвиг Христе Боже...» А потом Осанну поют, Вербное воскресенье называется, читал небось в Священной истории? Я тебе сколько говорил... — вот-вот, ребяташки там воскликнули, в Ирусалиме-граде. Христос на осляти, на муку крестную входит, а они с вербочками, с вайями... по-ихнему — вайя называется, а по-нашему — верба. А фарисеи стали сердчать, со злости, зачем, мол, кричите Осанну? — такие гордые, досадно им, что не их Осанной встречают. А Христос и сказал им: «Не мешайте детям ко Мне приходиться и возглашать Осанну, они сердцем чувствуют...» — дети-то все чистые, безгрешные, — «а дети не будут возглашать, то камни каменные возопиют!» — во как. Осанну возопиют, прославят. У Господа все живет. Мертвый камень — и тот живой. А уж верба-то и подавно живая, ишь — цветет. Как же не радоваться-то, голубок!..

Он обнимает вербу, тычет головой в нее. И я нюхаю вербу: горьковато-душисто пахнет, лесовой горечью живую, дремуче-дремучим духом, пушинками по лицу щекочет, так приятно. Какие пушинки нежные, в золотой пыльце... — никто не может так сотворить, Бог только. Гляжу — а у Горкина слезы на глазах. И я заплакал от радости... будто живая верба! И уж сумерки на дворе, звездочки стали выходить, а у лужи совсем светло, будто это от вербы — свет.

Старикову лошадь поставили в конюшню, рядом с Кривой. Задали ей овсеца, а она, Антипушка говорит, овес-то из рта просыпает, только разбрасывает — отвыкла, что ли, от овса-то, или все зубы съела, старенькая совсем, Кривая-то перед ней — о-рел! Понятно, в бедности родилась, к овсу-то и непривыкшая, где там, в лесу-то, овса найти. А Кривая ласково ее приняла, пофыркала через боковинку. Может, и жалеет, понимает, — в гости к ней сирота пришла. Лошади все могут понимать. И сердчать могут, и жалеть, плачут даже. Антипушка много повидал на своем веку. Когда молодой еще был, хозяева с места его решили, пришел к лошадкам прощаться, а у них в глазах слезы, — только не говорят.

— А Кривая, может, она чу-ет, что старикова лошадка священную вербу привезла... хорошо-то ее приняла? Ей, может, так открылось, а? Горкин сказывал... в граде-Иерусалиме... даже камни каменные могли бы вопиять... эту вот... Осанну! А лошадь — животная живая, умная. Вот придет день Страшного суда, и тогда все воскреснут, как Лазарь. А что, и Кривая тогда воскреснет?..

— Понятно, все воскреснет... у Бога-то! От Него все, и к Нему — все. Все и подымутся. Помнишь, летось у Троицы видали с тобой, на стене красками расписано... и рыбы страшные, и львы-тигры несут руки-ноги, кого поели-разорвали... все к Нему несут, к Господу, в одно место. Это мы не можем, оттяпал палец-там — уж не приставишь. А Господь... Гос-поди, да все может! Как земля кончится, небо тогда начнется, жизнь вечная. У Господа ничего не пропадет, обиды никому нет.

В кухне лампадка теплится. Михал Иванов пошел спать в мастерскую, на стружку, к печке, а старуху уложила Марьюшка на лавке, мяткой напоила, дала ей сухие валенки, накрыла полушубком, — кашель забил старуху. Да как же не пожалеть: старый человек старуха, и делу такому потрудились, свяченую вербу привезли.

К.Н. Горский
ВЕРБНОЕ
ВОСКРЕСЕНЬЕ. 1992

Б.М. Кустодиев
► ВЕРБНЫЙ ТОРГ
У СПАСКИХ ВОРОТ. 1917

*Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.*

*Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.*

*Везде разнообразную
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...*

*Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И над душою каждою
Проносится весна.*

Афанасий Фет
1844

Солнце играет на сараях ранним, румяным светом, — пасхальное что-то в нем, напоминает яички красные.

Лужа совсем разлилась, как море, половина саней в воде. И в луже розовый свет-румянчик. Верба в снях проснулась, румяная, живая и вся сияет. Розовые вербешки стали! Куры глядят на вербу, вытягивают шейки, прыгают на снях, хочется им вербешек. И в луже верба, и я, и куры, и старенькие сани, и розовое солнце, и гребешок сарая, и светлое голубое небо, и все мы в нем!.. — и все другое, чем на земле... какое-то новое-другое. Ночью был

дождь, пожалуй, — на вербе сверкают капельки. Утки с криком спешат на лужу, мычит корова, весело ржет Кавказка... Может быть, радуются вербе?.. И самая верба радуется, веселенькая такая, в румянном солнце. Росла по Сетуньке, попала на нашу лужу, и вот — попадет к Казанской, будут ее кропить, будет светиться в свечках, и разберут ее по рукам, разнесут ее по домам, по всей нашей Калужской улице, по Якиманке, по Житной, по переулочкам... — поставят за образа и будут помнить...

Горкин с Михал Ивановым стараются у вербы: сани надо опорожнить, домой торопиться надо.

Молодцы приносят большую чистую кадь, низкую и широкую, — «вербную», только под вербу ходит, — становятся в нее пуками вербу, натуго тискают. Пушится огромный куст, спрятаться в него можно. Насилу-насилу поднимают, — а все старики нарежали! — ставят на ломовой полк: после обеда свезут к Казанской. Вербка теперь высокая, пушится над всем двором, вишневым блеском светится. И кажется мне, что вся она в серых пчелках с золотистыми крылышками пушистыми. Это вот красно-та-а!.. <...>

Идем с Горкиным к Казанской, — до звона, рано: с вербой распорядиться надо. Загодя отвезли ее, в церкви теперь красуется. Навстречу идут и едут с Вербы, несут веночки на образа, воздушные красные шары, мальчишки свистят в свистульки, стучат «кузнецами», дудят в жестяные дудки, дерутся вербами, дураки. Идут и едут, и у всех вербы, с листиками брусники, зиму проспавшей в зелени под снегом.

В церкви, у левого клироса, — наша верба, пушистая, но кажется почему-то ниже. Или ее подстригли? Горкин говорит — так это наша церковь высокая. Но отчего же у лужи там... — небо совсем высокое? Я подхожу под вербу, и она делается опять высокой. Крестимся на нее. Раздавать не скоро, под конец всеобщей, как стемнеет. Народу набирается все больше. От свечного ящика, где стоим, вербы совсем не видно, только верхушки прутиков, как вихры. Тянется долго служба. За свечным ящиком отец, в сюртуке, с золотыми запонками в манжетах, ловко выкидывает свечки, постукивают они, как косточки. Много берут свечей. Приходят и со своими вербами, но своя как-то не такая, не настоящая. А наша настоящая, священная. Очень долго, за окнами день потух, вербу совсем не видно. Отец прихватывает меня пальцами за щеку: «Спишь, капитан... сейчас, скоро». Сажает на стульчик позади. Горкин молится на коленках, рядом, слышно, как он шепчет: «Общее воскре-

ние... из мертвых воздвиг еси Лазаря, Христе Боже...» Дремотно. И слышу вдруг, как из сна: «Общее воскресение... из мертвых воздвиг еси Лазаря, Христе Боже... Тебе, победителю смерти, вопиём... осанна в вышних!» Проспал я?.. Впереди, там, где верба, загораются огоньки свечей. Там уже хлещутся, впереди... — выдергивают вербу, машут... Там текут огоньки по церкви, и вот — все с вербами. Отец берет меня на руки и несет над народом, над вербами в огоньках, все ближе — к чудесному нашему кусту. Куст уже растрепался, вербы мотаются, дьячок отмахивает мальчишек, стегает вербой по стриженным затылкам, шипит: «Не напирай, про всех хватит...» Отец Виктор выбирает нам вербы попушистей, мне дает самую нарядную, всю в мохнатках. Прикладываемся к образу на аналое, где написан Христос на осяти, каменные дома и мальчики с вербами, только вербы с большими листьями, — «вайи!» — долго нельзя разглядывать. Тычутся отовсюду вербы, пахнет горьким вербным дымком... дремучим духом!.. — где-то горят вербешки. Светятся ясные лица через вербы, все огоньки, огоньки за прутьями, и в глазах огоньки мигают, светятся и на лбах, и на щеках, и в окнах, и в образах на ризах. По стенам и вверху под сводом ходят темные тени верб. Какая же сила

вербы! Все это наша верба, из стариковых санок, с нашего двора, от лужи, — как просветилась-то в огоньках! Росла по далекой Сетуньке, ехала по лесам, ночевала в воде в овраге, мыло ее дождем... и вот — свяченная, в нашей церкви, со всеми поет «Осанну». Конечно, поет она: все ведь теперь живое, воскресшее, как Лазарь... — «Общее Воскресение».

Смотрю на свечку, на живой огонек, от пчелок. Смотрю на мохнатые вербешки... — таких уж никто не делает, только Бог. Трогаю отца за руку. «Что, устал?» — спрашивает он тихо. Я шепчу: «А Михал Иванов доехал до двора?» Он берет меня за щеку... — «Давно дома, спит уж... за свечкой-то гляди, не подожги... носом клюешь, мо-лельщик...» Слышу вдруг треск... — и вспыхнуло! — вспыхнули у меня вербешки. Ах, какой радостный горьковатый запах чудесный, вербный! И в этом запахе что-то такое светлое, такое... такое... — было сегодня утром, у нашей лужи, розовое-живое в вербе, в румяном, голубоватом небе... — вдруг осветило и погасло. Я пригибаю прутья к огоньку: вот затрещит, осветит, будет опять такое... Вспыхивает, трещит... синие змейки прыгают и дымят, и гаснут. Нет, не всегда бывает... неуловимо это, как тонкий сон.

В.Н. Бакшеев
 ♣ ГОЛУБАЯ ВЕСНА. 1930

С.А. Виноградов
 МОСКОВСКАЯ УЛОЧКА

Причащение

Василий Никифоров-Волгин

Великий четверг варили пасхальные яйца. По старинному деревенскому обычаю, варили их в луковичных перьях, отчего получались они похожими на густой цвет осеннего кленового листа. Пахли они по-особенному — не то кипарисом, не то свежим тесом, прогретым солнцем. Лавочных красок в нарядных коробках мать не признавала.

— Это не по-деревенски, — говорила она, — не по нашему свычаю!

— А как же у Григорьевых, — спросишь ее, — или у Лютовых? Красятся они у них в самый разный цвет, и такие приглядные, что не нагладишься!

— Григорьевы и Лютовы — люди городские, а мы из деревни! А в деревне, сам знаешь, свычаи от Самого Христа идут...

Я нахмурился и обиженно возразил:

— Нашла чем форсить! Мне и так никакого прохода не дают: «деревенщиной» прозывают.

— А ты не огорчайся! Махни на них ручкой и вразуми: деревня-то, скажи, Божьими садами пахнет, а город керосином и всякой нечистью. Это одно. А другое — не произноси ты, сынок, слова этого нехорошего: «форсить!» Деревенского языка не бойся, — он тоже от Господа идет!

Мать вынула из чугунка яйца, уложила их в корзиночку, похожую на ласточкино гнездышко, перекрестила их и сказала:

— Поставь под иконы. В Светлую заутреню святить понесешь...

На Страстной неделе тише ходили, тише разговаривали и почти ничего не ели. Вместо чая пили сбитень (горячую воду с патокой) и закусывали его черным хлебом. Вечером ходили в монастырскую церковь, где службы были уставнее и строже. Из этой церкви мать принесла на днях слова, слышанные от монашки:

— Для молитвы пост есть то же, что для птицы крылья!

Великий четверг был весь в солнце и голубых ручьях. Солнце выпивало последний снег, и с каждым часом земля становилась яснее и просторнее. С дере-

вьев стекала быстрая капель. Я ловил ее в ладонь и пил, — говорят, что от нее голова болеть не будет...

Под деревьями лежал источенный капелью снег, и, чтобы поскорее наступила весна, я разбрасывал его лопатой по солнечным дорожкам.

В десять часов утра ударили в большой колокол, к четверговой литургии. Звонили уже не по-великопостному (медлительно и скорбно), а полным частым ударом. Сегодня у нас «причастный» день. Вся семья причащалась Святых Христовых Тайн.

Шли в церковь краем реки. По голубой шумливой воде плыли льдины и разбивались одна о другую. Много кружилось чаек, и они белизною своею напоминали летающие льдинки.

Около реки стоял куст с красными прутиками, и он особенно заставил подумать, что у нас весна, и скоро-скоро все эти бурые склоны, взгорья, сады и огороды покроются травами, покажется «весень» (первые цветы), и каждый камень и камешек будет теплым от солнца.

В церкви не было такой густой черноризной скорби, как в первые три дня Страстной недели, когда пели «Се Жених грядет в полнощи» и про чертог украшенный.

Вчера и раньше все напоминало Страшный суд. Сегодня же звучала теплая, слегка успокоенная скорбь: не от солнца ли весеннего?

Священник был не в черной ризе, а в голубой. Причастницы стояли в белых платьях и были похожи на весенние яблони — особенно девушки.

На мне была белая вышитая рубашка, подпоясанная афонским пояском. На мою рубашку все смотрели, и какая-то барыня сказала другой:

— Чудесная русская вышивка!

Я был счастлив за свою мать, которая вышила мне такую ненаглядную рубашку.

Тревожно забили в душе тоненькие, как птички клювики, серебряные молоточки, когда запели перед великим выходом: «Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими: не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзание Ти дам яко Иуда,

Н.Н. Ге
ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ. 1863

но яко разбойник исповедую Тя, помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое».

«Причастника мя приими...» — высветлялись в душе серебряные слова.

Вспомнились мне слова матери: «Если радость услышишь, когда причастишься, — знай, это Господь вошел в тебя и обитель в тебе сотворил».

С волнением ожидал я Святого Таинства.

— Войдет ли в меня Христос? Достоин ли я?

Вострепетала душа моя, когда открылись Царские врата, вышел на амвон священник с золотою чашей и раздалися слова:

— Со страхом Божиим и верою приступите!

Из окна прямо в чашу упали солнечные лучи, и она загорелась жарким опаляющим светом.

Неслышный, с крестообразно сложенными руками, подошел к чаше. Слезы зажглись на глазах моих, когда сказал священник: «Причащается раб

Божий во оставление грехов и в жизнь вечную». Уст моих коснулась золотая солнечная лжица, а певчие пели, мне, рабу Божьему, пели: «Тела Христова приимите, Источника бессмертного вкусите».

По отходе от чаши долго не отнимал от груди крестообразно сложенных рук, — прижимал вселившуюся в меня радость Христову...

Мать и отец поцеловали меня и сказали:

— С принятием Святых Тайн!

В этот день я ходил словно по мягким пуховым тканям, — самого себя не слышал. Весь мир был небесно тихим, переполненным голубым светом, и отовсюду слышалась песня: «Вечери Твоя тайная... причастника мя приими».

И всех на земле было жалко, даже снега, насильно разбросанного мною на сожжение солнцу:

— Пускай доживал бы крохотные свои дни!

Двенадцать Евангелий

Василий Никифоров-Волгин

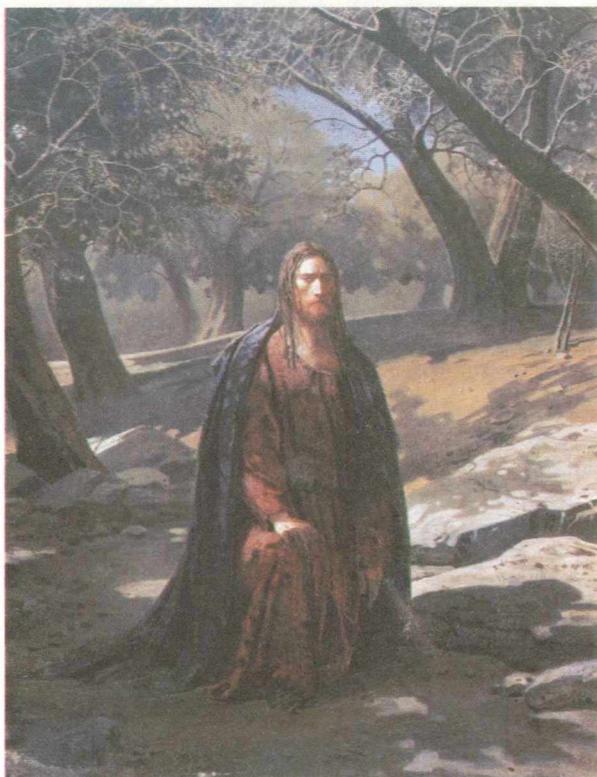
До звона к чтению двенадцати Евангелий я ма-стерил фонарик из красной бумаги, в кото-ром понесу свечу от Страстей Христовых. Этой свечой мы затеplим лампаду и будем под-держивать в ней неугасимый огонь до Вознесения.

— Евангельский огонь, — уверяла мать, — из-бавляет от скорби и душевной затемни!

Фонарик мой получился до того ладным, что я не стерпел, чтобы не сбегать к Гришке показать его. Тот зорко осмотрел его и сказал:

— Ничего себе, но у меня лучше!

При этом он показал свой, окованный жостью и с цветными стеклами.

— Такой фонарь, — убеждал Гришка, — в са-мую злущую ветрюгу не погаснет, а твой не вы-держит!

Я закручинился: неужели не донесу до дома святого огонька?

Свои опасения поведал матери. Она успокоила:

— В фонаре-то не хитро донести, а ты попро-буй по-нашему, по-деревенскому, — в руках до-нести. Твоя бабушка, бывало, за две версты, в са-мую ветрень, да полем, несла четверговый огонь и доносила!

Предвечерье Великого четверга было осыпано золотистой зарей. Земля холодела, и лужицы затя-гивались хрустящей заледью. И была такая тиши-на, что я услышал, как галка, захотевшая напиток-ь из лужи, разбила клювом тонкую заморозь.

— Тихо-то как! — заметил матери.

Она призадумалась и вздохнула:

— В такие дни всегда... Это земля состраждет страданиям Царя Небесного!..

Нельзя было не вздрогнуть, когда по тихой земле прокатился круглозвучный удар соборного колокола. К нему присоединился серебряный, как бы грудной звон Знаменской церкви, ему отклик-нулась журчащим всплеском Успенская церковь, жалостным стоном Владимирская и густой ворку-ющей волной Воскресенская церковь.

От скользящего звона колоколов город словно плыл по голубым сумеркам, как большой ко-рабль, а сумерки колыхались, как завесы во время ветра, то в одну сторону, то в другую.

Начиналось чтение двенадцати Евангелий. Посе-редине церкви стояло высокое Распятие. Перед ним аналой. Я встал около креста, и голова Спасителя в терновом венце показалась особенно измученной. По складам читаю славянские письмена у подножия креста: «Той язвен бысть за грехи наши, и мучен бысть за беззакония наша».

Я вспомнил, как Он благословлял детей, как спас женщину от избияния камнями, как плакал в саду Гефсиманском всеми оставленный, — и в глазах

Н.Н. Ге

♦ В ГЕФСИМАНСКОМ
САДУ. 1869–1880-е

К.К. Костанди

СТРАСТНОЙ ЧЕТВЕРГ НА СЕВЕРЕ. 1904

моих засумерничало, и так хотелось уйти в монастырь... После ектении, в которой трогали слова: «О плавающих, путешествующих, недугующих и страждущих Господу помолимся» — на клиросе запели, как бы одним рыданием: «Егда славнии ученицы на умовение вечери просвещаются».

У всех зажглись свечи, и лица людей стали похожими на иконы при лампадном свете, — световидные и милостивые.

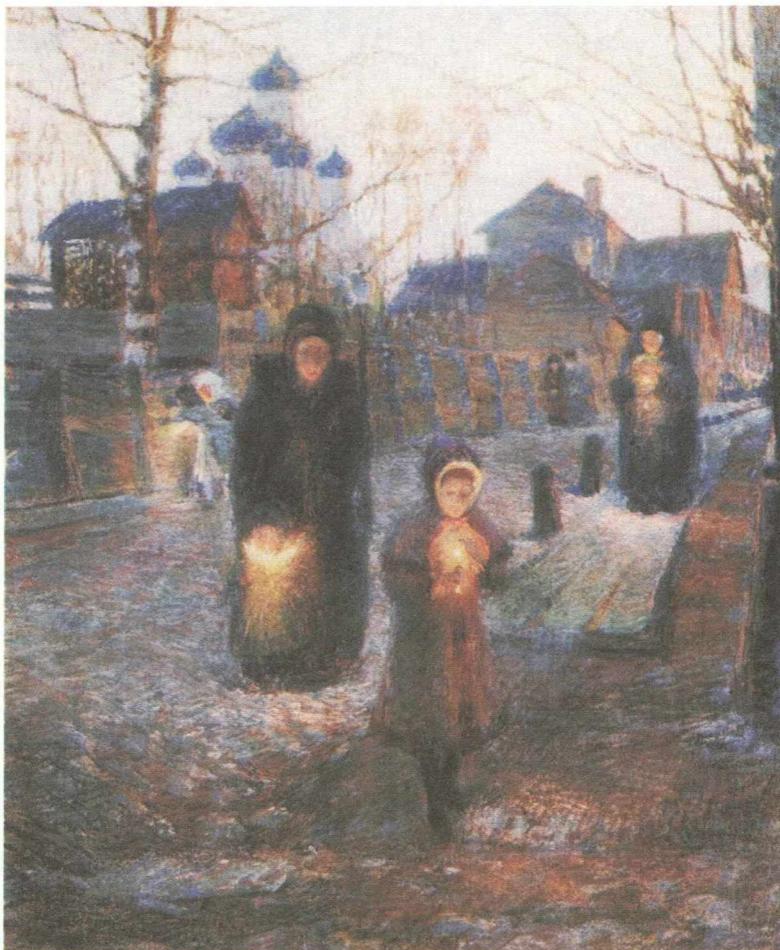
Из алтаря, по широким унывым разливам четвергового тропаря вынесли тяжелое, в черном бархате Евангелие и положили на аналой перед Распятием. Все стало затаенным и слушающим. Сумерки за окнами стали синее и задумнее.

С неутолимой скорбью был положен «начал» чтения первого Евангелия: «Слава страстям Твоим, Господи». Евангелие длинное-длинное, но слушаешь его без тяготы, глубоко вдыхая в себя дыхание и скорбь Христовых слов. Свеча в руке становится теплой и нежной. В ее огоньке тоже живое и настроенное.

Во время каждения читались слова как бы от имени самого Христа:

«Людие мои, что сотворих вам, или чем вам стужих: слепцы ваша просветих, прокаженные очистих, мужа суца на одре возставих. Людие мои, что сотворих вам и что Ми воздаете? За манну желчь, за воду оцет, за еже любити Мя, ко кресту Мя пригвоздиша».

В этот вечер, до содрогания близко, видел, как взяли Его воины, как судили, бичевали, распинали и как Он прощался с Матерью.

«Слава долготерпению Твоему, Господи».

После восьмого Евангелия три лучших певца в нашем городе встали в нарядных синих кафтанах перед Распятием и запели «светилен».

«Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, Господи; и мене Древом крестным просвети и спаси».

С огоньками свечей вышли из церкви в ночь. Навстречу тоже огни — идут из других церквей. Под ногами хрустит лед, гудит особенный предпасхальный ветер, все церкви трезвонят, с реки доносится ледяной треск, и на черном небе, таком просторном и Божественно мощном, много звезд.

— Может быть, и там... кончили читать двенадцать Евангелий и все святые несут четверговые свечи в небесные свои горенки?

***

*Весть, что люди стали мучить Бога,
К нам на север принесли грачи.
Потемнели хвойные трущобы,
Тихие заплакали ключи...
На буграх камня обнажили
Лысины, покрытые в мороз,
И на камни стали капать слезы
Злой зимой очищенных берез.*

*И другие вести, горше первой,
Принесли скворцы в лесную глушь:
На кресте распятый, всех прощая,
Умер Бог, спаситель наших душ.
От таких вестей сгустились тучи,
Воздух бурным зашумел дождем...
Поднялись — морями стали реки,
И в горах пронесся первый гром.*

*Третья весть была необычайна:
Бог воскрес, и смерть побеждена!
Эту весть победную примчала
Богом воскрешенная весна...
И кругом леса зазеленели,
И теплом дохнула грудь земли,
И внимая трелям соловьиным,
Ландыши и розы зацвели.*

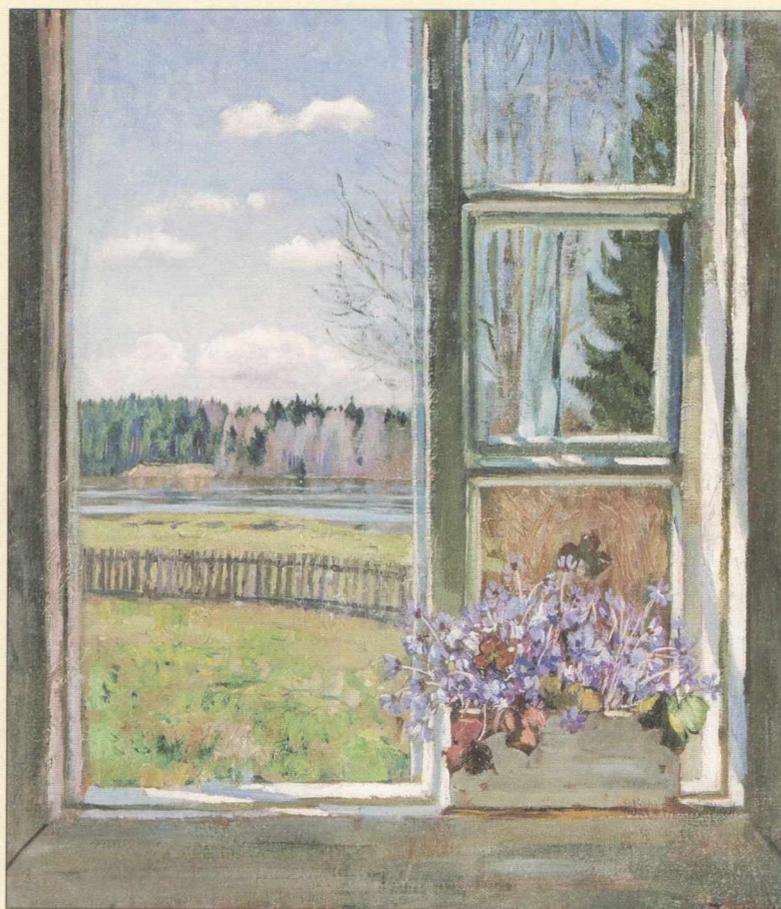
Яков Полонский
1888–1890

В.Д. Поленов
ГОЛГОФА

С.Ю. Жуковский
ОКНО С ФИАЛКАМИ. 1931

М.А. Врубель
НАДГРОБНЫЙ ПЛАЧ. 1887
Эскиз неосуществленной
росписи Владимирского
собора

Канун Пасхи

Василий Никифоров-Волгин

Утро Великой субботы запахло куличами. Когда мы еще спали, мать хлопотала у печки. В комнате прибрано к Пасхе: на окнах висели снеговые занавески и на образе «Двунадесятых праздников» с Воскресением Христовым в середине висело длинное, петушками вышитое полотенце. Было часов пять утра, и в комнате стоял необыкновенной нежности янтарный свет, никогда не виданный мною. Почему-то представилось, что таким светом залито Царство Небесное... Из янтарного он постепенно превращался в золотистый, из золотистого в румяный, и наконец, на киотах икон заструились солнечные жилки, похожие на соломинки.

Увидев меня проснувшимся, мать засуетилась:

— Сряжайся скорее! Буди отца. Скоро заблаговестят к Спасову погребению!

Никогда в жизни я не видел еще такого великолепного чуда, как восход солнца!

Я спросил отца, шагая с ним рядом по гулкой и свежей улице:

— Почему люди спят, когда рань так хороша?

Отец ничего не ответил, а только вздохнул. Глядя на это утро, мне захотелось никогда не отрываться от земли, а жить на ней вечно, — сто, двести, триста лет, и чтобы обязательно столько жили и мои родители. А если доведется умереть, чтобы и там, на полях Господних, тоже не разлучаться, а быть рядышком друг с другом, смотреть с синей высоты на нашу маленькую землю, где прошла наша жизнь, и вспоминать ее.

— Тять! На том свете мы все вместе будем?

Не желая, по-видимому, огорчать меня, отец не ответил прямо, а обиняком (причем крепко взял меня за руку):

— Много будешь знать, скоро состаришься! — а про себя прошептал со вздохом: — Расстанная наша жизнь!

Над Гробом Христа совершалась необыкновенная зауспокойная служба. Два священника читали поочередно «непорочны», в дивных словах оплакивавшие Господню смерть:

«Иисусе, спасительный Свете, во гробе темном скрылся еси: о несказанного и неизреченного терпения!»

«Под землю скрылся еси, яко солнце ныне, и ноцию смертною покровен был еси, но возсияй Светлейше Спасе».

Совершали каждение, отпевали почившего Господа и опять читали «непорочны»:

«Зашел еси Светотворче, и с Тобою зайде Свет солнца».

«В одежду поругания, Украститель всех, облакаеши, иже небо утверди и землю украси чудно!»

С клироса вышли певчие. Встали полукругом около плащаницы и после возгласа священника: «Слава Тебе, показавшему нам Свет» запели великое славословие — «Слава в вышних Богу...»

Солнце уже совсем распахнулось от утренних одеяний и засияло во всем своем диве. Какая-то всполошенная птица ударилась клювом об оконное стекло, и с крыш побежали бусинки от ночного снега.

При пении похоронного, «с завоем», — «Святой Боже», при зажженных свечах стали обносить плащаницу вокруг церкви, и в это время перезванивали колокола.

На улице ни ветерка, ни шума, земля мягкая, — скоро она совсем пропитается солнцем...

Когда вошли в церковь, то все пахло свежими яблоками.

Я услышал, как кто-то шепнул другому:

— Семиградский будет читать!

Спившийся псаломщик Валентин Семиградский, обитатель ночлежного дома, славился редким «таланом» потрясать слушателей чтением

паремий и Апостола. В большие церковные дни он нанимался купцами за три рубля читать в церкви. В длинном, похожем на подрясник, сюртуке Семиградский, с большою книгою в дрожащих руках, подошел к плащанице. Всегда темное лицо его, с тяжелым мохнатым взглядом, сейчас было вдохновенным и светлым.

Широким, крепким раскатом он провозгласил: «Пророчества Иезекиилева чтение...»

С волнением, и чуть ли не со страхом, читал он мощным своим голосом о том, как пророк Иезекииль видел большое поле, усеянное костями человеческими, и как он в тоске спрашивал Бога: «Сыне человек! Оживут ли кости сии?» И очам пророка представилось — как зашевелились мертвые кости, облеклись живою плотью и... встал перед ним «велик собор» восставших из гробов...

С погребения Христа возвращались со свечками. Этим огоньком мать затепляла «на помин» усопших сродников лампаду перед родительским благословением «Казанской Божией Матери». В доме горело уже два огня. Третью лампаду, — самую большую и красивую, из красного стекла, — мы затеплим перед Пасхальной заутреней.

— Если не устал, — сказала мать, приготовляя творожную пасху («Ах, поскорее бы разговенье!» — подумал я, глядя на сладкий соблазненный творог), — то сходи сегодня и к обедне. Будет редкостная служба! Когда вырастешь, то такую службу помнить будешь!

На столе лежали душистые куличи с розовыми бумажными цветами, красные яйца и разбросанные прутья вербы. Все это освещалось солнцем, и до того стало весело мне, что я запел:

— Завтра Пасха! Пасха Господня!